

БЫЛОЕ

Помню с детства пляж санатория им. Чкалова. В 60-е годы в санатории любил поправлять свое здоровье мой папа. Я часто приходил к нему, и мы шли на рыбалку. Санаторий считался украинско-правительственным. Говорят, в нем однажды даже отдыхал Хрущев. А уж разные министры и генералы – как здрасте.

Санаторный пляж был огорожен высоким забором. Собственно, у санатория было 2 пляжа. Над главным – правым, с просеянными песочком – возвышался бордюр высотой 1 метр, на котором отдыхавшие оставляли туфли. Это меня в первый раз сильно поразило.

Неотдыхающих на пляж не пускали. За этим строго следили две бабульки, которые требовали у всех входящих санаторные книжки. У папы же требовали, его знали, и меня вместе с ним. От калитки несколько каменных пролетов спускались на пологое плато, которое вело к главному пляжу. Но туда мы не ходили, а сворачивали налево и по узкой, выложенной туфовыми плитками, лестнице спускались на второй пляж, «генеральский». Генералов охраняло КПП с бдительным часовым явно из отставников. Его громкий рык: «Ваше санаторное...» напоминал ветхозаветное «ваше благородие».

Честно говоря, никаких генералов я на этом пляже не видел, видимо хорошо камуфлировались. А видел деревянную халабуду слева под обрывом, в которой, наверное, они и ютились в свободное от генеральных сражений время, стену из ракушняковых блоков и несколько шлюпок, стоящих на диком берегу. Шлюпки, по предположению санаторной книжки, выдавались бесплатно, но моего папу там опять же знали: «Здравствуйте, Александр Дмитриевич! Опять на рыбалку? Сачок нужен, или у вас рачки с собой?»

Берег был настолько дикий, что метрах в пяти от него на камнях росли водоросли, в которых резвились рачки. Одолжив сачок из мелкой сетки и побродив с ним по мелководью минут 10, мы собирали банку отборной и, главное, живой наживки.

Каменных грядок в те времена было напротив Чкаловского пляжа предостаточно, поэтому за бычками далеко грести не приходилось. По возвращении, папа отдавал улов в столовую, и нам к обеду жарили бычки и варили вкусноту уху. Ее запаха выводили из равновесия других отдыхающих, но папа свято хранил наши рыбные места, объясняя особо настырным, как доехать до Привоза.

Потом детство прошло, пришла юность, студенчество, другие пляжи и увлечения. Женился... Папа ушел на пенсию и путевки в Чкаловский санаторий оказались уже не для него. Восстановил я свое общение с Чкаловским пляжем уже в 83-м. В первый день последнего месяца лета я сказал жене:

– Хочешь, покажу тебе пляж, при входе на который нужно снимать обувь?

– Как это? – удивилась жена.

– А вот увидишь.

Мы поехали в Чкаловский. В те годы ворота санатория были наглухо закрыты, войти внутрь можно было через своеобразные КПП слева или справа от них. На КПП дежурил охранник, который строго осведомлялся, кто идет, куда и зачем.

– Добрый день, меня не спрашивали? – сказал я стражу ворот, и на его растерянное блеяние «не-а» добавил: – Ну, если будет спрашивать, я у себя.

С бдительной бабушкой у калитки на пляж я применил способ, неоднократно испытанный в московских студенческих общагах. Тогда, входя в общагу, я говорил вахтерше: «Здрассте» и, не дожидаясь вопроса: «Ваш студенческий», шел к ячееккам проверять почту на букву «ю». Письма на фамилию Осташко там почему-то не оказывалось, и я расстроено пожаловался вахтерше: «Опять не пишут!» Она начала меня утешать, а после спрашивать студенческий билет ей было неудобно.

С бабушкой при входе на пляж я проделал нечто аналогичное. Поздоровался и осведомился, как поживают ее внуки. Она подробно рассказала, а когда все-таки надумала спросить у меня санаторную

книжку, я удивился: «А чего это вдруг сегодня такие сложности, вы же меня знаете», и тут же сам себе ответил: «А, это потому что сегодня суббота». И гордо вместе с женой проследовал на пляж.

Жена удивилась пляжу, охраняемому вереницей тапочек. Мы расположились на полупустой послеобеденной правительственной территории. Выкупавшись и растянувшись на горячем песке, я заметил поодаль с левой стороны высокий, выдающийся далеко в море пирс, с перилами и нижним этажом для причаливания мелких плавсредств.

«Что-то я такого в папины времена не припомню», – подумал я. Одна лодка с гордой надписью: «Спасательная» мочка в полосе вялого прибойя, а над ней, на пирсе в шезлонгах, загорали двое с красными повязками. У меня в мозгу зашевелилась интересная мысль: «С отпуском, запланированным на август, нужно что-то делать?»

Я поднялся, подошел к спасателям и спросил:

– Ребята, а как бы тут с вами позагорать?

– Ты чего? – удивились ребята. – Прошел, так лежи загорай, кто тебе мешает?

– Не, вы меня не поняли, я хочу за это еще и денежку получить.

– Это как?

– А так как вы, хочу сюда на

очереди цепляли несколько лодок, выставляли их в полосе прибойя и садились писать пулю. Впрочем, неправильно утверждать, что мы только тем и занимались, что играли в преферанс.

От середины пляжа в море на половину расстояния до волнореза уходили сваренные из труб мостки с дощатым покрытием, площадкой на торце и лестницей, ведущей в воду. Я любил там отработывать прыжки в воду. Один очень красивый прыжок у меня никак не получался. Нужно было выпрыгнуть вперед, согнуться, хлопнуть себя по коленям, чтобы ноги ушли вверх и вертикально войти в воду. Ноги упорно не хотели этого делать, и я больно плюхался животом в воду. Но я тоже был упорный и все-таки их переупрямил. Ноги вытянулись в одну линию с телом, я на радости расслабил вытянутые вперед руки, пронзил полуторметровую толщу воды и вонзился незащищенной головой в песок. Хрустнули шейные позвонки, слава Богу, не сильно, и я решил, что на этом прыжки в воду закончились.

Впрочем, еще один прыжок я совершил – в начале 90-х на 8 станции Б. Фонтана, где как раз строили новый яхт-клуб. В воде уже громоздились одна на другой бетонные плиты. Одна конструкция высотой метров 5 показалась мне привлекательной. С такой вы-

сопрыгиваю. Берег, увидев мою добычу полметра в диаметре, пришел в восторг. Должен сказать, что в тот день к нам на пляж пришли гости. Моя жена и мой юный друг Саша Сокольский. Когда-то в шестом классе я его учил физике, а сейчас он приехал на каникулы. Решив, что ученик должен превзойти учителя, в том числе, и в подводной охоте, он взял снаряжение, пику и ушел под воду. Минут через 20 он, замерзший, вылез из воды и сообщил, что ни камбал, ни глосей там нет. «Ты просто искать не умеешь», – сказал я, ушел под воду и через 5 минут вынырнул с еще одной камбалой. Этого Сашка терпеть не мог. Не согревшись, он снова погрузился и плавал уже минут 40, а когда вылез, то что-то вяно сообщить уже не мог от холода. Пока он плавал, я отправил жену с двумя рыбинами домой – жарить.

«Ну что, макнуться напоследок», – сказал я, укутав Сашку какой-то ветошкой, и вошел в воду. К вечеру даже верхний слой был +12, а внизу, пожалуй, все 6. Но долго плавать не пришлось. Замерзшая рыба бросилась к берегу, и буквально в метре от него я подбил третью камбалу. Любимый ученик окончательно признал приоритет любимого учителя.

В то далекое время знаменитый лифт санатория Чкалова и исправно передвигался вверх-вниз. На нем мы ездили на обед в служебную столовую санатория, где кормили вкусно и дешево. Более того, в лифте был установлен телефон внутреннего коммутатора, с которого через девятку можно было выйти в город. Это мы и сделали, сообщив, что к тем двум рыбам возьмем еще одну. В результате получили чудесный рыбный ужин. Был четверг, день рыбный. Короче, в тот год я не ограничился в своей спасательной работе одним месяцем отпуска. Выйдя на работу, я заявил, что ближайšie два месяца буду появляться там два дня через два дня, на что непосредственное начальство махнуло рукой, а посредственное, то бишь большое начальство само ушло в отпуск на два месяца. Так что я спасал людей до 23 октября.

Сергей Осташко ЧКАЛОВСКИЙ ПЛЯЖ

ПЛЯЖИ МОЕГО ДЕТСТВА (часть 2-я)

работу спасателем устроиться.

– Это можно. Вон там в домике комендант пляжа Сергей Норбертович. Поговори. Он как раз вчера одного алкаша уволил.

Разговор с Норбертовичем был коротким. «Плавать умеешь? А с веслами работать?» Почти как в фильме «Богдан Хмельницкий»: «Отче Наш знаешь? Горилку пьешь? Истинно спасательская душа!»

А еще через две недели, когда Норбертович выгнал следующего алкаша, я привел в Чкаловский пляж своего друга Юру Сгычева.

Работать нужно было двое суток через двое, с 8 утра до 8 вечера. Зарплата не ахти – 88 рублей. Но это уже в другом анекдоте: «Как, за это еще и деньги платят?»

Обязанности простые: следить, чтобы за буюк не заплывали. Поскольку санаторий правительственный, то до буйки могли доплыть человека два. Мы их быстро выгнали, познакомились и сели вместе писать пулю.

Числились мы матросами-спасателями, а над нами начальником был старший матрос или, как он величал себя, – боцман. Чудный мужик, ветеран войны, горевший в танке, что навсегда оставило след на его лице. Он знал множество фронтовых баек, любил их рассказывать и умел это делать.

О грустном не вспоминал никогда. Единственно, что нам удалось у него узнать, и то с трудом, что его танк горел на Курской дуге. Если бы тогда я был таким умным, как сейчас, я бы позанимал все эти истории, и из них бы получилась прекрасная книга о Великой Отечественной, но неизвестной войне. А так байки выветрились из памяти, осталось только имя – дядя Саша, общение с которым нам подарила судьба летом 1983 года.

Наверное, нужно описать наше рабочее место. Там, где в папины времена громоздились скалы, отделяющие главный пляж от генеральского, теперь тянулись две широченные бетонные ступени. От ближней к морю в воду косо уходили треугольные плиты. На берегу был выстроен ангар, где хранились штук 20 лодок, над которыми во всю длину ангара тянулась малая механизация – швеллер заворачивающего на пирс эллинг. По швеллеру на колесиках передвигалась тележка с мотором и толстым проводом, оканчивающимся пультом с четырьмя кнопками: вира, майна, вперед и назад. Утром мы приходили на работу, открывали ангар, захватами по

соты я еще никогда не прыгал. Я залез, стал на край плиты, развел руки и прыгнул. Но, вместо того, чтобы бабочкой красиво описать дугу и войти в воду без брызг, ноги стали приходить в вертикальное положение еще в верхней точке траектории. Я попытался остановить их самодеятельность, но добили только того, что раздался хруст в позвоночнике. Как я вошел в воду – не помню, но помню боль в спине несколько дней после этого.

А тогда на Чкаловском было раздолье для рыбалки. Дальний конец пирса уходил за линию волнореза, недалеко за ним начинались бычковые грядки. Слева, на песочном дне напротив бетонных плит, любила греться аппетитная камбала, или, говоря по-научному, – камбала глосса, в отличие от настоящей большой камбалы, которая по-научному называется камбалка калкан. Как-то на одном из московских рынков я видел груды такой глоссы с ценником «Черноморская камбала». «Как дешево здесь дураят народ», – подумал я. Хотя, судя по ценнику, не так уж и дешево. Но вернемся на пляж санатория им. Чкалова образца 1983 года.

Камней с травой у берега на генеральском пляже, где резвились рачки, давно не было. Зато возле самого пирса крутились стайки феринки – маленькой полупрозрачной рыбешки. В жареном виде она очень вкусная, но есть одно «но». Эта рыба принадлежит к семейству кефалевых и покрыта мелкой жесткой чешуей, которую перед жаркой желательно почистить, а то будет скрипеть на зубах. Представляете, какой это адский труд?

Если с пирса в стайку феринки выкинуть самодур – леску с крючками, оснащенными цветными перьями, – и подергать, то есть вероятность, что дурная рыба клюнет на эти перья... или напорется спиной на острые крючки. Так за минут 10 можно наловить вполне приличную жменьку наживки. А потом – как захочешь. Можно кусочки феринки нанизать на 2-3 крючка самоллова, закинуть с конца пирса на ближайшую грядку и ждать, пока клонет голодный бычок, либо нанизать такие же кусочки на 6-8 крючков закидушки с тяжелым грузилом и закинуть с бетонных плит напротив ангара на песочное дно. В этом случае, можно не ждать. Камбала глосса – рыба обстоятельная. Прежде чем съест наживку, она сначала ее тщательно обнюхает, потом

заглотит. А как заглотит – уже с крючка не сорвется.

Осенью, закидывая самодур, нужно быть внимательным. Вместо феринки на крючок с цветными перьями может клонуть ставрида. Тогда следует отложить охоту за наживкой, а начать с конца пирса спинингом разбрасывать самодуры в разные стороны. Ставрида же подошла! А не жажущая на мелководье глосску можно потом награть пикуй, как это делалось в детстве на 8 станции Б. Фонтана.

Кстати, один раз подобная охота принесла неожиданный результат. Дело было уже осенью, помню – в четверг, по советским понятиям – в рыбный день. К берегу подошел сероводород, и вода резко поохладнела. К полудню ее температура снизилась до 12 и продолжала падать. И вот в середине дня, наловив на самодур штук 50 ставриды, я решил поохотиться на глосей, надел комплект ласты-маску-трубку, взял пику и пошел в воду. Верхний слой воды был еще теплый, а ниже – колотун. Плыву я, значит, в этом теплом слое, и вдруг вижу среди ровного песка довольно большая припухлость. Нырять, тыкаю пикуй, припухлость начинает трепыхаться и размахивать плавниками. Оказалось, камбала-калкан, довольно крупная. Переворачиваю пику острием вверх, – чтобы не сорвалась, и вы-

загорай так. Кого там не любили, это фотографов-тихарей, которые прятались на обрыве и сверху снимали «лубничку». Их, если заметят, могли и побить. А вот моего друга – фотожурналиста одной из одесских газет, который пришел на пляж со своей аппаратурой и открыто и громогласно спросил: «Ребята, а можно я вас снимаю?», зауважали: «Ради Бога, снимай» и пригласили приходиться еще.

Однажды с моим донецким другом Мишей произошла курьезная ситуация. Он приехал в Одессу в командировку (естественно, летом, что делать шахтеру в Одессе зимой?), вытащил меня с работы, и мы пошли Аркадию, где у него, якобы, была назначена встреча. Агент на встречу не явился (вот почему я написал «якобы»), и мы прекрасно попляжились. И тут из воды вылезла симпатичная девушка топлес и, ничуть не смущаясь, устроилась на подстилке рядышком.

«Невозможно, жить в городе, где модели просто так ходят по улицам и загорают на пляже без верха», – грустно вздохнул Миша, и наша беседа перетекла на тему нудистских пляжей. Я живописал, что видел на пляже на острове Лесбос, куда заходил на яхте, а потом предложил: «А хочешь, у нас здесь рядом есть голый пляж, можем туда сходить». «Хочу», – неожиданно согласился Мишка, и мы пошли. Подходим. К пляжу спускается узкая тропинка, которая в середине делает крутой поворот, сверху ничего не видно, а после поворота – что называется обнаженная натура маслом. И вот, спускаемся мы, разговариваем, Мишка идет впереди, доходит до поворота и внезапно тормозит, причем так резко, что я на него натякаюсь. «Ты чего?» – спрашиваю. И тут мой друг, обалдевший от открывшихся ему красот, говорит гениальную фразу: «Нет, провинция к этому не готова!» Так и не спустился. А его фраза стала среди наших общих знакомых крылатой.

Читатель мог сообразить, что я бывал на голом пляже, не раз, водил туда менее щепетильных гостей, даже девушек. Но больше я любил бывать слева от Чкаловского. Там, отгороженная от генеральского пляжа высоким ракушняковым забором, приютилась небольшая бухточка. Чем-то она напоминала мне старые одесские берега и ту нашу детскую бухточку на 11-й станции: небольшой пляж, скалы в воде, камни и мелкий фарватер, по которому нужно войти и проплыть, чтобы не порезать ноги, за фарватером – разгул поросших водорослями и мидиями красот, среди которых светятся мелкие бычки, крабики и иглобочки. Я любил приводить туда гостей Одессы, и пока они балдели на берегу, ловил морскую иглобочку побольше и приносил им в подарок. Еще я отдирал от скал мидии, и тут же, как в детстве, жарил их на стальном листе, лежащем на двух камнях над костром, разведенным из выброшенных морем деревьев.

Однажды, плавая с маской, я подбил здесь огромное, почти метрового в диаметре ската с большой иглой на конце длинного хвоста. Вытащив ската на берег, я первым делом отрубил хвост и вырезал на память иглу. А что делать с остальным даже не имел представления – скат в Одессе считается несъедобным. И тут ко мне подошла московская дама лет 40 и спросила: «Ма-альчики, а что это у ва-ас т-акое?» «Это черноморская камбала», – ответил мой друг, который помогал мне вырезать иглу. «Ой, пра-а-а-а-а? – удивилась дама. – А вы мне ее не продадите?» «Самим кушать нечего», – давась от смеха, ответил друг. Через какое-то время, потогрившись, согласился уступить добычу за бешеные по тем временам деньги – 25 рублей.

Потом в Одессе появились рапаны, которые питаются мидиями, и однажды, нырнув в Чкаловской бухточке, я увидел страшное зрелище – голые скалы и дно, покрытое мертвыми мидиевыми створками. Несколько лет после этого я не приходил сюда, но когда очередные друзья из провинции упростили показать им старые одесские берега, я привел их, нырнул и увидел, что экология начала восстанавливаться.